

УДК 347.451.03

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАВЛОВОГО ИСКА ПО БОЛГАРСКОМУ ПРАВУ

© 2015 г.

Т.Н. Йосифова

Софийский университет национального и мирового хозяйства, Болгария

tiosifova@gmail.com

Поступила в редакцию 19.02.2015

Раскрывается проблема болгарской правовой доктрины Павлового иска как пример об относительной недействительности. Дается сравнительная характеристика Павлового иска в болгарском Законе об обязательствах и договорах и французского Гражданского кодекса.

Ключевые слова: Павловый иск, обязательства, кредитор, контрагент, собственник, должник.

Первоисточником Павлового иска в болгарском Законе об обязательствах и договорах (ЗОД) является французский Гражданский кодекс¹. Рецепция указанного института была совершена через итальянский Гражданский кодекс (1865), чем и объясняются некоторые различия в сравнении с оригиналом. Статья 135 (1) из Закона об обязательствах и договорах провозглашает:

Кредитор может требовать, чтобы были объявлены недействительными прямые действия, с которыми должник причиняет ему вред (ущерб), если должник при совершении им этих действий знал о причинении вреда. Когда в результате пострадало лицо, с которым должник договаривался, оно тоже должно было знать о нанесении вреда. Недействительность не затрагивает права, которые третьи лица приобрели возмездно до вписывания исковой просьбы об объявлении недействительности.

Предпосылки Павлового иска по ст. 135 ЗОД включают наличие обязательственной связи между кредитором и должником, вредом (создание или увеличение неплатежеспособности должника) и знанием должника о причинении вреда, а если сделка недействительна, – и знанием контрагента.

Как правило, должник может свободно управлять и распоряжаться правами своего имущества, когда совершает такие сделки, которые удовлетворяют его интересы. Сказанное имеет значение для должника в гражданском праве, а в коммерческом праве – насколько должник не в производстве по несостоятельности. В производстве по несостоятельности определенные сделки, заключенные через так называемый «подозреваемый период», могут быть объявлены недействительными по отношению к ним.

Совершенные должником сделки и правовые действия влияют на его кредиторов. Это влияние может быть благоприятно или неблагоприятно

(в зависимости от вида сделки, договорных условий по ней, исполнения и т.д.) Или, по-другому, сделки, заключенные должником, косвенно отражаются на их кредиторах. Последние заинтересованы в хорошем управлении имуществом должника, и закон дает им право контролировать поведение должника по поводу динамики его имущества. Обязательственная связь кредиторов с их должниками предопределяет особое правовое положение, которое они занимают с точки зрения имущества должника. Ввиду этого они имеют право на общее обеспечение по ст. 133 Закона об обязательствах и договорах. Их право на обеспечение есть функция специфичной подчиненности имущества должника [1]. Закон дает им право атаковать сделки, совершенные должниками, с которыми они не имеют прямой связи. Их связь косвенная, потому что переходит через имущество должника. Из единого имущества должника удовлетворяются все кредиторы для своих требований к должнику.

В болгарской правовой доктрине Павловый иск рассматривается как пример об относительной недействительности. Гипотезы относительной недействительности разнородны по своему фактическому составу и правовым последствиям, и для них трудно создать общие правила [2]. При Павловом иске для кредитора возникает субъективное преобразовательное право отстранить неблагоприятные правовые последствия, которые вытекают из распорядительных действий должника по судебному порядку. Субъективное право кредитора возникает на основании заключенного ущемляющего его договора и кредитор не преследует цель игнорировать его, наоборот – при его наличии преследуемая цель удовлетворения цены, полученной на публичной продаже при принудительном исполнении на объект договора между

должником и его контрагентом. Относительная недействительность при Павловом иске не наступает *ipso jure*, а необходимо, чтобы вступило в силу конституционное судебное решение, которое удовлетворило бы Павловый иск.

Павловый иск личный, обязательственный иск. Он основывается на обязательственном праве кредитора из его правоотношений с должником и на общем праве обеспечения имущества должника, которое личное, а не является вещным правом² [3; 4, с. 90; 5, с. 1081]. Павловый иск не имеет для последствий возвращение вещи в имущество должника, как это есть при суррогатном иске [5, с. 1099]. Кредитор не становится собственником вещи, соответственно титуляром другого права – предмет сделки должника и третьего лица. Право остается принадлежать контрагенту должника. Что касается специально права собственности как предмета распорядительной сделки, совершенной должником и его контрагентом, то есть абсолютное и противопоставимое всем. Должник может свободно распоряжаться своим правом собственности, как заключают разные правовые сделки, которые его обременяют или отчуждают.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что одно лицо либо притягивает одно субъективное право собственности относительно всех или не притягивает его. Принять, что право контрагента должника относительно недействительное по отношению к кредитору, означает допустить существование права собственности, которое не имеет абсолютного характера, то есть оно бы существовало по отношению всех, с исключением определенных лиц, или следовало бы, что «*существуют два исключительных собственника одной и той же вещи*» [6, с. 89]. Если принять эту конструкцию, то исключительные собственники вещи, как предмет Павлового иска, были бы одновременно должниками и его контрагентами. Из сделаного анализа такой вывод не может быть обоснован. Другим возможным объяснением конфликта, выражающегося в одновременном притяжении исключительного права собственности, было бы наличие фикции, установленной законодателем. Фикция, по выражению Д. Тончева, выражается в том, что после удовлетворения Павлового иска вещь возвращалась в имущество должника, который становится ее собственником «*и при этом перестает быть таковым*» [4, с. 169].

Необходимо, чтобы законодатель отдал предпочтение одному из двух интересов – кредитору или третьему лицу – контрагенту должника. Остается открытым вопрос, кто есть собственник вещи, объект распорядительной сделки, совершенной должником и его контрагентом.

Чтобы ответить на этот вопрос и связанный с ним вопрос о характере непротивопоставимости при Павловом иске, необходимо вывести следующие опорные точки, которые являются ключевыми в настоящем анализе.

Во-первых, с функциональной точки зрения цель, которую кредиторы преследуют исполнением Павлового иска, – удовлетвориться благом, предметом договора между должником и его контрагентом. Отсюда и цель Павлового иска – открыть дорогу кредиторам к принудительному исполнению. Как бы удовлетворился кредитор? Через публичную продажу вещи. Или, как выражается Д. Тончев, «*есть один-единственный интерес кредитора, чтобы ему было заплачено, судьба акта его не интересует*» [6, с. 93]. Речь идет об одном праве следования имущества в результате общего права обеспечения кредиторов. Они удовлетворяются ценой, полученной на публичной продаже, без переустановления вещи быть собственностью третьего лица – контрагента должника.

Во-вторых, принять, что собственность контрагента отпадает с обратной силой в его отношениях с кредитором должника, означало бы приравнять по правовым последствиям относительной недействительности при расторжении или отмене договора. Восприятие подобного разрешения довело бы до приложения принципа *resoluto jure dantis resolvitur jus accipientis* в отношениях между контрагентом и последующих приобретателей вещи. Подобное действие, однако, не имеет опоры в законе и привело бы к неприемлемым результатам.

В-третьих, Павловый иск не вещный, а личный иск. Кредитор не становится собственником вещи, и Павловый иск не дает ему право изымать вещи контрагента должника или других лиц². В то же время вещь не возвращается в имущество должника. Между удовлетворением иска и принятием принудительного исполнения не осуществляется правопреемственность между контрагентом и кредитором, соответственно между контрагентом и должником. Отсутствует и оригинальное основание для приобретения собственности кредитора или должника. Нельзя принять и наличие фикции об одновременном существовании исключительного права собственности на имущество двух лиц, потому что в законодательстве отсутствует ясно выведенная тактика.

В-четвертых, интерес представляет исследование правовых последствий после удовлетворения Павлового иска в отношениях: а) между должником и кредитором, б) между должником и его контрагентом, в) между кредитором и контрагентом должника, г) между остальными кредиторами должника, не предъявившими Павловый

иск, д) между кредитором и остальными кредиторами контрагента должника.

а) В отношениях между должником и кредитором не наступает перемена. Обязательственное отношение продолжает существовать.

б) В отношениях между должником и его контрагентом правовое действие сделки сохраняется. Порождаются правовые последствия, желаемые для обеих сторон. Если стороны желали передать право собственности, цедировать обязательственное право, дать вместо исполнения и т.д., то оно реализовалось. Это есть внутреннее действие договора. После удовлетворения Павлового иска, однако, кредитор может направить принудительное исполнение на вещи, собственником которых является контрагент должника. В этом выражается его субъективное право. В этом случае он вынесет на публичную продажу одну чужую вещь, которая не принадлежит должнику, а принадлежит его контрагенту, и удовлетворится ценой, полученной от публичной продажи [4, с. 167; 6, с. 95]. При договоре продажи контрагент, который бывает судебно устраненный, будет иметь права по ст. 188–192 Закона об обязательствах и договорах (расторгнуть договор, требовать возмещения цены, возмещения ущерба и т.д.). Договор может и сохраниться в случаях, когда контрагент выполнит обязательство должника.

в) В отношениях между кредитором и контрагентом должника наступает правовая перемена. После удовлетворения Павлового иска для кредиторов возникает субъективное преобразовательное право, связанное с возможностью начать принудительное исполнение на вещь, собственность контрагента.

После того как сделка остается действительной как в отношениях между должником и его контрагентом, так и по отношению всех третьих лиц (включая кредиторов, Павлов иск которых удовлетворен), можно сделать вывод, что:

– сделка породила внутреннее, обязательственное действие. По отношению кредиторов, как третьего лица по сделке, последняя никогда не может породить желаемого правового действия для сторон;

– сделка породила внешнее действие, связанное с трансфер-правом, при котором право собственности должника отчуждено, причем безвозвратно.

После начала принудительного исполнения кредитор-взыскатель имеет право вынести вещь на публичную продажу и назначить свою цену. Обстоятельство, что кредитор направляет исполнение на вещь, которая принадлежит не должнику, а его контрагенту, не помеха для успешного проведения принудительного ис-

полнения. Как указывает Д. Тончев, право кредитора есть своеобразное «право наследования», подобно заложному праву, когда кредитор может удовлетвориться стоимостью вещи, которая является собственностью не должника, а его контрагента [5, с. 1100]. Вот почему во французской литературе отмечается, что лучше делать акцент на правах кредитора, а не на обязательствах контрагента должника [7]. Таким образом, нет необходимости говорить о фикции как об одновременном существовании и несуществовании права собственности вещи должника, потому что акт возврата никогда не осуществится. Вывод о том, что не наступает возвращение вещи в имущество должника, следует из обстоятельства, что если при публичной продаже полученная цена выше требования кредитора, остаток возвращается в пользу контрагента должника. На каком основании он ее получает? Ответ – как собственник вещи.

г) В отношениях между остальными кредиторами должника, не предъявившими Павлового иска, не наступает перемена, характерная для удовлетворения Павлового иска. Для них он остается *res inter alios acta*. Они не могут удовлетвориться ценой вещи, полученной от публичной продажи.

д) Возможно, возникнут правоотношения между кредитором и остальными кредиторами контрагента должника в связи с конкуренцией прав между ними. Такой случай мог бы возникнуть, если бы была договорная ипотека на имущество, предмет сделки между должником и его контрагентом, в пользу кредитора контрагента. Конкуренция в этом случае разрешится в соответствии со ст. 135 (1) *in fine* Закона об обязательствах и договоров – ипотечарные кредиторы сохраняют свои права, если они их приобрели добросовестно до вписывания исковой просьбы об объявлении относительной недействительности.

Точка зрения автора высказана в статье, опубликованной в 2014 г. в болгарском журнале «Юридически свят» [8]: при удовлетворении Павлового иска право собственности передаваемой вещи не выходит из патримониума приобретателя, и разъяснена в Толковательном решении № 5/2013 г. Общего собрания гражданской коллегии Верховного кассационного суда Республики Болгария³. Создается возможность направления истца-кредитора на принудительное исполнение чужой вещи, поскольку ее приобретатель не отвечает для обязанности своего праводателя к кредитору. Предметом рассмотрения в т. 1 Толковательного решения № 5/2013 г. Верховного кассационного суда Республики Болгария является вопрос: может ли за личный долг одного супруга быть объявлена недействи-

тельной согласно ст. 135 (1) ЗОД вся распоряжительная сделка с имуществом в режиме супружеской имущественной общности. Верховный кассационный суд Республики Болгария постановил, что с совершения распорядительной сделки вещь отчуждена, и супружеская имущественная общность прекращена. Собственником является третье лицо – приобретатель. После удовлетворения Павлового иска собственность вещи не возвращается в патримониуме супругов и супружеская общность не восстанавливается. С удовлетворением иска не возникает солидарная ответственность между супругами, которые исполняли распоряжения, и третьим лицом – приобретателем. Последний – не должник истца-кредитора, но может проводить принудительное исполнение по выплате личного долга супруга-должника и потом предъявить обратный иск против него.

Истец – не кредитор другого супруга – ответник по иску, из-за которого против него не может быть удовлетворен Павловый иск. Отсюда следует вывод, что распорядительная сделка для личного пользования одного супруга из имущества собственности обоих супругов в режиме супружеской имущественной общности объявляется относительно недействительной согласно ст. 135 (1) ЗОД для 1/2 идеальной части имущества. Верховный суд Республики Болгария правильно, по нашему мнению, отмечает, что рассматриваемая в т. 1 Толковательного решения № 5/2013 г. гипотеза различна от фактических составов в ст. 614 Коммерческого закона, ст. 27, п. 3 и 4 Семейного кодекса, при которых имущество находилось в патримониуме супругов к определенной правовой релевантной дате, и прекращение супружеской имущественной общности есть следствие из несостоятельности, соответственно из индивидуального принудительного исполнения.

По содержанию право кредитора Павлового иска показывает некоторые сходства и различия с правом ипотечного кредитора. Для обоих кредиторов возникает возможность удовлетворения предметом распорядительной сделки в порядке принудительного возмещения от публичной продажи вещи. Ипотечный кредитор может удовлетвориться, пока имущество находится в какой-либо собственности, тогда кредитор по Павловому иску может направить иск только против недобросовестного третьего лица –

приобретателя либо, если вещь приобретена безвозмездно, и против добросовестного третьего лица. Против контрагента третьего лица – только если он приобрел вещь после вписывания исковой просьбы (ст. 135, п. 1 *in fine* ЗОД). Пассивная легитимация по Павловому иску ограничена, потому что иск обязательственный.

Примечания

1. Ст. 1167 французского Гражданского кодекса провозглашает: «Они (кредиторы) могут также от своего собственного имени оспаривать акты, совершенные должником в заблуждении их прав».

2. Например, в решении № 761/21.10.1994 г. по гр. д. № 616/94 г., I г. о., Верховного суда Республики Болгария отмечается, что решение суда, в котором удовлетворяется Павловый иск, не создает вещное право в пользу кредитора истца.

3. Нельзя делиться выраженным в особом мнении по т. 1 из Толковательного решения № 5/2013 г., что цель введения иска есть возвращение имущества – предмета сделки, причиняющей вред, в патримониум должника – «Иск отменительный и кредитор по ст. 135 ЗОД удовлетворяется из восстановления имущества должника... Причиняющая ущерб сделка непротивопоставима только в порядке ст. 135 ЗОД, кредитор – по отношению к его вещи сохраняет имущество должника в том виде, которое было до заключения сделки».

Список литературы

1. Weill A. La relativité des conventions en droit privé français. Paris: Librairie Dalloz, 1939. P. 120.
2. Павлова М. Гражданско право. Обща част. Второ преработено и допълнено издание. С.: Софи-Р, 2002. С. 522.
3. Меворах Н., Лиджи Д., Фархи Л. Коментар на Закона за задълженията и договорите. Част I. Чл. 1-333, С.: Коопер. Печатница Фотинов, 1924. С. 284.
4. Тончев Д. Коментар върху Закона за задълженията и договорите. Том V. С.: Книжарницата на Ц.Н. Чолаков, 1930. С. 90.
5. Terré F., P. Simler, Y. Lequette. Droit civil. Les obligations. Paris: Dalloz, 2002. P. 1081.
6. Ставру С. Съществува ли «относително» право на собственост? Търговско право, 2006. № 4. С. 89.
7. Йосифова Т. За противопоставимостта на договора и отговорността по чл. 21, ал. 2 от Закона за задълженията и договорите, «Юридически свят», 2014. № 1. С. 49–73.
8. Толкователно решение № 5/2013 г. от 29 декември 2014 г., публикувано на веб-сайта Верховного кассационного суда – www.vks.bg.

SOME ISSUES OF THE PAVLOVO CLAIM UNDER BULGARIAN LAW

T.N. Yosifova

The author reveals the problem of the Bulgarian legal doctrine of the Pavlovo claim as an example of relative invalidity. A comparative description is given of the Pavlovo claim in the Bulgarian Law on Obligations and Contracts and the French Civil Code.

Keywords: Pavlovo claim, liability, lender, counterparty, owner, debtor.

References

1. Weill A. La relativité des conventions en droit privé français. Paris: Librairie Dalloz, 1939. P. 120.
2. Pavlova M. Grazhdansko pravo. Obscha chast. Vtoro preraboteno i dopolnenno izdanie. S.: Sofi-R, 2002. S. 522.
3. Mevorah N., Lidzhi D., Farhi L. Komentar na Zakona za zad"lzhennyata i dogovorite. Chast I. Chl. 1-333, S.: Kooper. Pечатnitsa Fotinov, 1924. S. 284.
4. Tonchev D. Komentar v"rhu Zakona za zad"lzhennyata i dogovorite. Tom V. S.: Knizharnicata na C.N. Cholakov, 1930. S. 90.
5. Terré F., P. Simler, Y. Lequette. Droit civil. Les obligations. Paris: Dalloz, 2002. P. 1081.
6. Stavru S. S"shchestvuva li «otnositelno» pravo na sobstvenost? T"rgovsko pravo, 2006. № 4. S. 89.
7. Josifova T. Za protivopostavimostta na dogovora i otgovornostta po chl. 21, al. 2 ot Zakona za zad"lzhennyata i dogovorite, «Yuridicheski svyat», 2014. № 1. S. 49–73.
8. Tolkovatel'noe reshenie № 5/2013 g. ot 29 dekabrnya 2014 g., opublikovannoe na veb-sajte Verhovnogo kassacionnogo suda – www.vks.bg.